

Об этнокультурной атрибуции племен эпохи бронзы Казахстана.

Прошлое нашей страны хранит немало тайн и загадок. Специфика изучения древней истории казахстанского региона заключается в малом количестве письменных источников и преимущественной опорой исследователей на данные археологии. Особую важность интерпретация археологических материалов приобретает при изучении бронзового века Казахстана – эпохи становления производящего хозяйства, ключевых экономических, социальных и культурных преобразований, отразившихся на всей последующей истории региона.

В связи с этим обстоятельством перед исследователями встает необходимость осмысления общей картины жизни древнего населения Казахстана, и конкретизации отдельных ее аспектов, таких как хозяйственный уклад, структура общества, материальная и духовная культура.

С момента начала изучения богатейшего пласта казахстанской истории – андроновской культурно-исторической общности эпохи бронзы – прошло около века. За это время отечественными и зарубежными учеными был накоплен огромный объем материала (преимущественно, археологического), был высказан ряд гипотез о генезисе и структуре андроновского социума, рассмотрен вопрос автохтонности андроновского населения в регионе. Однако многие стороны этой обширной проблематики до сих пор не разрешены окончательно.

Археологическая наука имеет устойчивые связи со многими гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами [1]. Применение их методик позволяет достаточно объективно реконструировать ту или иную сферу жизни и деятельности древнего человека. В установлении характеристик структуры общества прошлого большое значение имеет соотнесение археологических материалов с данными палеоантропологии, исторической демографии и этнографии [1].

«Археологи дают антропологам материал не только для ранних этапов развития человека, но и более поздний, вплоть до средневековья, и в свою очередь получают от них ответы на многочисленные и разнообразные вопросы о происхождении населения, создавшего ту или иную археологическую культуру, о расовом типе, о движении населения и т. д.» [2, с. 224]. Этнографическая наука также играет значительную роль в исследованиях древних обществ. «Большое значение имеют данные этнографии для изучения истории народов, вопроса об их происхождении, переселениях и т. п. Специфические черты культуры и быта, свойственные отдельным народам, сложились исторически. Среди других фактов в их формировании большое значение имела «этническая традиция», т. е. сохранение определенных навыков и представлений, сложившихся в связи с условиями жизни народа в предыдущие периоды его истории... Культурно-бытовые сходства между отдельными народами могут объясняться как общностью их происхождения, общими «этническими традициями», так и позднейшими связями и влияниями... Поэтому сложной задачей является решение вопроса о том, к какому виду явлений следует отнести тот или иной этнографический факт. Не случайные совпадения, а только глубокий исторический анализ позволит в этом случае использовать данные этнографии для сопоставления их с данными археологии. Но осторожное, научное использование этнографических источников помогает решать многие исторические проблемы, возникающие перед археологами» [2, с. 227].

«Как известно, объективным носителем, творцом и проводником... всего этнокультурного наследия в различные исторические эпохи был сам человек. Но существует и биологическая сторона его природы, когда одновременно он составляет часть естественноисторической общности людей, генетически связанных между собой разной степенью родства. В геноме человека заложены его внутренние и внешние особенности, а родственная группа людей обладает своим определенным комплексом этих особенностей... В силу географических и исторических причин в отдельных этнических группах частота проявления наследуемых признаков варьирует по-разному. Именно характер распределения тех или иных генов среди представителей определенной общности людей может многое рассказать об этнической истории народа, его миграциях, контактах, смешениях или обособлениях в разные периоды» [3, с. 120]. С другой стороны не только сам человек, но и особенности его материальной и духовной культуры несут на себе отпечаток определенного социокультурного типа. Исходя из установления антропологической и этнокультурной

характеристик древнего населения, ученые разрабатывают и успешно используют методики интерпретации данных археологии в социальных реконструкциях. Эффективным следует считать и применение этнолингвистической классификации древних народов в анализе археологических артефактов. В данной статье мы рассмотрим опыт применения методики антропологической и этнокультурной детерминации в исследованиях андроновской культурно-исторической общности.

В отношении изучения общества эпохи бронзы Казахстана наиболее аргументированной и признанной научным сообществом следует считать гипотезу об индоевропейском (индоиранском) происхождении носителей андроновской культуры.

Гипотеза о расселении индоиранских племен в евразийских степях во II тыс. до н. э. развивается в науке с 60-х годов XX века. На основе корреляций массива археологических данных и сведений письменных источников (Авесты, индийских ведических текстов, иранской мифологии) М. Дьяконов, Г. Ф. Ильин, Г. М. Бонгарт-Левин, Э. А. Грантовский и другие специалисты отождествляли андроновскую культуру с культурой пастушеских и земледельческих индоевропейских племен [4; 5; 6, с. 351-358]. В 1970-1980-е годы советские историки и лингвисты занимались поисками прародины индоевропейцев и ее локализацией на карте Евразии. И. М. Дьяконов предположил, что их прародина находилась к западу от Волги, на равнинах Восточной Европы, откуда эти племена начали расселяться на юг и восток в энеолите [7]. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов отстаивали другую точку зрения, согласно которой носители индоевропейских языков изначально расселились в Передней Азии [8]. «В настоящее время археологические открытия все больше подтверждают выводы И.М. Дьяконова» [9, с. 12].

Палеоантропологические данные по казахстанскому региону III – начала I тыс. до н. э. говорят о следующем.

Древнее население Казахстана представляло часть «степного типа протоевропейского расового ствола» [3, с. 121]. В бронзовом веке здесь «преобладающим был степной, называемый также андроновским. Он имел мезокранный череп, низкое, широкое и хорошо профилированное в горизонтальной плоскости лицо, сильно выступающие носовые кости и низкие глазницы» [3, с.121].

В. П. Алексеев указывает: «Андроновцы, конечно, европеоиды, и характерные черты у них доведены до полного выражения...классического европеоидного типа... Их нужно рассматривать как последний отголосок мощного передвижения европеоидов на восток» [10, с. 236 –237]. Наряду с таким антропологическим типом «...в некоторых частях Юго-Восточного...и Западного Казахстана обитали племена, сходные по фенооблику с локальным вариантом восточносредиземноморской расы...эти и другие местные европеоидные расовые типы являлись тем мощным антропологическим пластом, на базе которого происходила дальнейшая трансформация генома древнего населения Казахстана... Следовательно, европеоидный облик древних популяций Казахстана был изначально явлением исключительно автохтонным...» [3, с. 121]. Позднее, в раннем железном веке, «сако-скифский племенной союз в Казахстане сохранил индоевропейскую общность в своем этнокультурном развитии до рубежа новой эры» [3, с. 120]. Следует уточнить, что вопрос о роли миграций в истории местных племен также далек от своего решения, однако он выходит за рамки предмета рассмотрения данной статьи.

Наиболее детальную и аргументированную историческую гипотезу об индоевропейском происхождении андроновских племен развивает в своих трудах Е.Е.Кузьмина. Первые выводы об этнокультурной принадлежности жителей Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы она изложила в совместной с К.Ф. Смирновым работе [11]. В ходе дальнейших исследований Е.Е. Кузьмина развила основные положения своей гипотезы и дополнила их рядом этнографических и сравнительно-исторических параллелей между современными индоиранскими этносами и племенами андроновской общности [12, с. 8; 13]. Для этого был привлечен комплекс письменных источников, содержащих сведения о древнейшей истории индоиранских народов. Е.Е. Кузьмина проводит культурно-исторические и этнографические параллели по целому ряду составляющих элементов изучаемых традиционных обществ:

А. Тип андроновского жилища (заглубленные в землю каркасно-столбовые жилые постройки [3, с. 19; 9, с. 14; 13, с. 43-46] с двускатной или пирамидальной крышей) находит параллели с традиционным домостроительством ряда областей Индии и Памира, а также с литературными

описаниями домов древних индоариев в ведических источниках и Авесте [13, с. 51-52]. Следует отметить, что и социальные функции традиционного дома скотоводов евразийских степей (включая и андроновцев) как места проживания большой неразделенной семьи находят отражение в древнеиранской литературе.

Е.Е. Кузьмина указывает, что и современные традиционные общества индоиранского происхождения (осетины, памирцы, некоторые народности Индии и др.), и носители андроновской культуры, а также древние индоевропейцы сопровождали строительство дома особыми заклинаниями и ритуальным жертвоприношением [13, с. 53].

Б. Индоевропейский культ огня (особые «мужские» и «женские» типы очагов [13, с. 54], запрет на развеивание золы из очага и связанное с ним устройство священных очагов и зольников на поселениях [9, с. 18]. Эти традиции совпадают у андроновцев и индоиранских этносов не только формально, но и по своему сакральному значению [13, с. 54].

В. Основной ячейкой потестарной структуры современных и древних индоиранских социумов является большесемейная община – патронимия, проживающая в общем большом доме. Так, например, у осетин, памирцев и в некоторых районах Индии большой дом занимала семья из 40-80 человек, ведущих совместное хозяйство [12, с. 13; 13, с. 54]. По подсчетам В.В. Евдокимова, в поселениях средней бронзы Степного Притоболья (алакульская и федоровская культура) в 2-4 жилищах проживало 40-80 человек [14, с. 17; 15, с. 87; 16, с. 78]. На позднем этапе эпохи бронзы Казахстана в поселениях из 2-4 жилищ проживало 80-200 человек, а в среднем – 42 человека [14, с. 20; 15, с. 88; 16, с. 79]. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о проживании в большом доме одной большой семьи, объединявшей несколько поколений родственников и составлявшей ядро большесемейной общины [15, с. 97]. Е.Е. Кузьмина также приходит к выводу о проживании в отдельных «больших домах» андроновцев больших семей [13, с. 55]. Такое предположение вполне соответствует реалиям традиционного индоиранского социума.

Г. Особенности керамики и гончарного дела казахстанских племен бронзового века находят множество параллелей в традициях изготовления керамики у традиционных обществ индоиранского происхождения. Примечательно, что корреляцию этих особенностей можно проследить как по данным древних письменных и вещественных источников, так и по этнографическим данным современности. Е.Е. Кузьмина отмечает сходные особенности техники формовки сосудов (ручное изготовление, кольцевой налеп и т. д.), изготовление керамики женщинами, трехчастное деление объема сосуда, орнаментация сосудов, костровой обжиг, индоиранская лексика, связанная с гончарством. Примечательно, что эти параллели распространяются и на сакральную атрибуцию гончарного дела индоиранских народов [12, с. 16; 13, с. 61-72].

Д. Погребальный обряд андроновских племен во многом совпадает с этническими традициями погребальной обрядности индоиранских народов (кремация и ингумация умерших, жертвоприношение богам загробного мира, сосуды и оружие в могилах, ритуальная (символическая) смерть жены умершего мужчины, отдельное расположение захоронений младенцев и т. д.) [13, с. 75-92]. Е.Е. Кузьмина пишет: «Если вспомнить, что погребальный обряд – важнейшая этнографическая черта культуры живого народа, которая сохраняется и при длительном развитии культуры на одном месте, и при дальней миграции в другую хозяйственно-географическую зону, то это совпадение служит самым надежным основанием для того, чтобы признать андроновцев индоиранцами» [13, с. 92].

Е. Тип хозяйства андроновских племен (комплексное пастушеско-земледельческое, с большой ролью крупного рогатого скота и лошадей, с разведением овец) [3, с. 21-22; 9, с. 15-16; 13, с. 36; 16, с. 68-71] практически аналогичен хозяйственному укладу древнеиранских племен и нехарактерен другим этническим объединениям региона [12, с. 23].

В результате комплексного анализа огромного массива сведений Е.Е. Кузьмина выделяет в андроновском обществе такие социальные страты, как воины-кшатрии (колесничие), жрецы (по аналогии с древнеиндийскими брахманами) и рядовое общинное население [13, с. 95-97]. Похожую схему стратификации древнеиранского социума создал в 50-е годы XX века французский ученый Ж. Дюмезиль [9, с. 30].

На основании всех приведенных аргументов Е.Е. Кузьмина определяет локализацию прародины индоиранских племен в евразийской степи [12, с. 25].

В настоящее время в исторической науке рассматриваются также гипотезы о прототюркском происхождении андроновской культуры.

Исследователи эпохи бронзы Казахстана и Южной Сибири уже давно обратили внимание на неоднородность компонентов археологических культур андроновской общности. Наиболее проблематичным остается вопрос об этнической идентификации носителей сосуществовавших на территории Казахстана в XVI – XIII вв. до н. э. алакульской и федоровской культур. Эти культуры различаются формой и орнаментацией керамики, особенностями погребального обряда и, в определенной мере, антропологическими типами. Вероятно, это отражало какие-то крупные сосуществующие этнокультурные объединения. На основании этих факторов С. С. Черников отметил: «Языковая принадлежность андроновцев неизвестна. Не исключено,.. что отдельные их племена могли относиться и к разным языковым группам...» [17, с. 112]. Данное обстоятельство стало основой для ряда гипотез о тюркских корнях андроновского населения. Эту проблему затрагивали многие исследователи: С. С. Черников, А. С. Аманжулов, А. Ходжаев, А. Аскарлов и другие [17; 18; 19; 20].

В целом, авторы гипотез данного направления исходят из опровержения индоиранского характера казахстанских и южносибирских социумов бронзового века. Главными аргументами при этом выступают:

а) слабая преемственность между ранними и поздними этапами андроновской культурной общности, многочисленные различия в элементах материальной культуры и погребального обряда отдельных вариантов, выделяемых археологами в ее рамках [18];

б) особенности антропологического типа представителей этих вариантов. Так, например, анализ краниологических материалов андроновских могильников показал, что носители федоровской культуры имели ярко выраженные европеоидные черты, в то время как сосуществовавшие в степях Казахстана параллельно с ними представители алакульских племен отличались смешанными (протоевропеоидными и, частично, монголоидными) чертами строения черепа [18]. Еще в 1970-е годы О. Исмагулов указывал: «...При внимательном рассмотрении всех черепов этой эпохи обнаружена антропологическая неоднородность древнеказахстанцев» [21, с. 21];

в) малая вероятность предположения о компактном расселении ранних прототюркских племен в районе от Алтая до Прибайкалья на протяжении всей эпохи бронзы и значительной части раннего железного века. Ряд исследователей считает, что древнейшие тюрки-скотоводы, как и андроновцы, нуждались в расширении пастбищных угодий, что неизбежно привело бы их к территориальной экспансии и заселению казахстанских степей уже в бронзовом веке. Учитывая непосредственную близость указанной «прародины» тюркских народов и благоприятных для скотоводства просторов Казахстана, логичным будет вывод о переселении сюда тюркоязычных племен уже в бронзовом веке;

г) анализ письменных источников Древнего Китая позволил выявить упоминания о живших в степях западнее и северо-западнее ранних китайских государств скотоводческих племен тюркского происхождения. Упоминания этих племен датируются еще II тыс. до н. э. [18].

Исходя из этих обстоятельств, А. Аскарлов считает, что непосредственно к «индоиранским» памятникам древнего Казахстана и Южного Приуралья следует относить только памятники синташтинского типа и федоровской культуры, в которых ярко выражены признаки «авестийского» общества: тип укрепленного поселения, обряд кремации умерших, особенности металлургии и керамики и т. д. Он отмечает общность и преемственность этнокультурных традиций населения евразийских степей эпох бронзы и раннего железа (от древнеямной и андроновской культур вплоть до скифов и хунну), с которой не коррелируют синташтинские и федоровские памятники. На основании этого делается вывод о пришлом, суперстратном характере этих индоиранских культур

на фоне последовательного развития в регионе автохтонных тюркоязычных социумов, к которым относит и андроновцев [18; 20]. Интересна также трактовка А. Аскарковым термина «арий», рассматриваемого не как этноним, а как обозначение аристократа в скотоводческом обществе. Не отрицая факта миграций древних насельников Казахстана в Среднюю Азию и Индостан, он указывает на неправомерность гипотез об их ираноязычности, считая их прототюркскими племенами [20]. Однако следует учесть, что гипотезы о прототюркском характере культур казахстанских степей эпохи бронзы еще не получили широкого признания в современной науке ввиду фрагментарности аргументирующих данных и сложности определения этнической принадлежности бесписьменных обществ древности. Определенную роль в этой масштабной дискуссии сыграла политическая конъюнктура советского и постсоветского пространства.

В СССР, несмотря на декларируемые принципы демократии и равенства всех народов, все стороны общественной жизни национальных республик неизбежно подвергались нивелированию, проводимому прежде всего путем растворения этнических ценностей, историко-культурных традиций в соответствии с приоритетом создания единого советского народа. Следует отметить, что «эталоном» для постройки этого народа считался русский этнос как консолидирующая сила советского государства. В соответствии с этим на «национальных окраинах» СССР проводилась политика снижения значимости, а то и игнорирования местных этнокультурных традиций и подспудной подмены их богатого исторического наследия на стереотипы о позитивном влиянии на местные этносы славянских (или в широком смысле – европейских) народов. Так под «эгидой» официальной власти история народов Советского Союза освещалась преимущественно с позиций евроцентризма. Коснулось это и андроновской проблемы: десятки лет в науке бытовала неизменная тенденция причисления андроновцев к индоевропейскому корню [22]. Любые попытки отклонения от «партийной линии» в данном вопросе считались «крамольными» и ненаучными, в том числе и выдвигаемые версии о прототюркском происхождении представителей андроновской культуры [22].

В наши дни в государствах СНГ идет активное восстановление национальной истории, обращение к историческим корням независимых народов. Особую важность в этом процессе приобретает изучение древних пластов их истории. Для Казахстана таким приоритетным направлением является изучение бронзового века. Отказ от евроцентристских взглядов предшествующих лет привел к развитию идей об автохтонности тюркского населения на территории Казахстана в бронзовом веке. Учитывая слабую разработанность этой гипотезы при наличии большого объема неисследованных материалов, ее следует считать перспективной и требующей дальнейших исследований.

Этническая идентификация андроновского социума позволит прояснить многие вопросы древнейшей истории страны и по-новому взглянуть на истоки казахского этноса. Поэтому обращение к поиску тюркских корней андроновского населения стало закономерным этапом развития отечественной исторической науки. Необходимо признать, что обе вышеизложенные гипотезы остаются конкурирующими, и задачей современных казахстанских археологов и историков является выяснение новых особенностей жизни и культуры андроновских племен и поиск на этой основе критериев их этнической принадлежности.

На современном этапе развития исторической науки установление антропологической и этнокультурной атрибуции носителей древних культур на основе данных археологии является довольно перспективным направлением. На данный момент в отношении изучения бронзового века Казахстана гипотезы об индоевропейской (индоиранской) и прототюркской атрибуции местного населения все еще требуют дальнейшей аргументации и проверки на соответствие исторической действительности. Кроме этого, они продолжают подкрепляться все новыми данными. Открытия археологов позволяют дополнять и корректировать сделанные на ее основе реконструкции социальной жизни, хозяйства и культуры древнего общества. Таким образом, плюрализм в освещении подобных вопросов стал сегодня неотъемлемым атрибутом развития казахстанской исторической науки. Именно этот принцип плюрализма и признания за различными гипотезами права на существование помогает установить истину и успешно разрешить многие проблемы изучения древнего населения казахстанских степей.

Гатаулин А. Р., магистрант, научный руководитель: **В.В.Евдокимов**, д.и.н., профессор

1. Авдусин Д. А. Основы археологии. – М.: Высшая школа, 1989. – 335 с.
2. Амальрик А. С., Монгайт А. Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. – М., 1966. – 264 с.
3. История Казахстана. Очерк. – Алматы, 1993. – 416 с.
4. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. – М., 1961. – 452 с.
5. Бонгарт-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. – М., Наука, 1969. – 736 с.
6. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии – М., 1970. – 393 с.
7. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. ВДИ, 1982, № 3-4.
8. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1,2. Тбилиси, 1984.
9. Кляшторный С.Г., Султанов Т. Н. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата: Рауан, 1992. – 378 с.
10. Алексеев В.П. В поисках предков. Антропология и история. – М., 1972.
11. Кузьмина Е. Е., Смирнов К.Ф. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977.
12. Кузьмина Е. Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. Автореферат. – Новосибирск, 1988.
13. Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе, «Илим», 1986. – 135 с.
14. Евдокимов В. В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы. Автореферат. – Киев, 1984.
15. Евдокимов В. В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. – Алматы, 2000. – 140 с.
16. Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 2002. – 138 с.
17. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М. – Л., 1960. – 272 с.
18. Аскарлов А. Яснее об «андроновской» культуре: авестийцы или тюрки?//war.history1997.forum24.ru.
19. Аскарлов А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды. //www.centrasia.ru/news.
20. Аманжулов А. С. Рунообразная надпись из сакского захоронения близ Алматы.// Вестник АН КазССР, №2. – Алма-Ата, 1971.
21. Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата, 1970. – 240 с.
22. Лайпанов К., Мизиев И. О происхождении тюркских народов. // real-alania.narod.ru.